

ТИНА
ГАБРИЭЛЛ

*Идеальный
скандал*

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
Г 12

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Tina Gabrielle
A PERFECT SCANDAL

Перевод с английского Л.И. Желоховцевой
Компьютерный дизайн В.А. Воронина

Печатается с разрешения издательства Zebra Books an
imprint of Kensington Publishing Corp. и литературного
агентства Andrew Nurnberg.

Габриэлл, Тина.

Г 12 Идеальный скандал: роман / Тина Габриэлл;
[пер. с англ. Л. И. Желоховцевой]. — Москва : АСТ,
2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-088015-7

Леди Изабель Камерон вообще не желала выходить замуж, а уж тем более за престарелого бонвивана, которого выбрал ей в супруги отец. Ее мечта — изучать искусство в Париже, но для этого надо любой ценой избежать нежеланного брака и остаться свободной. Изабель решает, что самый лучший способ добиться своей цели — устроить так, чтобы ее скомпрометировали. И идеально подходит для этой авантюры друг детства Марк Хоксли. Однако внезапно в затею старых друзей вмешивается любовь. Страстное, неодолимое чувство, превозмочь которое заговорщики не в силах...

УДК821.111(73)
ББК84(7Coe)

© Перевод. Л.И. Желоховцева, 2011
© Tina Sickler, 2010

ISBN 978-5-17-088015-7 © Издание на русском языке AST Publishers, 2014"

Глава 1

Лондон

Май 1814 года

— Я слышала, что в спальне лорд Уоллинг проявляет весьма своеобразные и даже извращенные вкусы.

Губы Изабель Камерон дрогнули, когда Шарлотта Беннинг, ее ближайшая подруга и товарка по дебюту в лондонском светском обществе, прошептала ей на ухо это откровение.

Изабель оглядела сиявший огнями балльный зал, отметив и великолепные канделябры, и бесценные произведения искусства, и нарядных гостей, стремившихся перешеголять друг друга и привлечь к себе внимание.

Изабель ответила молчанием, и Шарлотта, коснувшись ее руки, спросила:

— В чем дело? Только не говори, что тебя смущают подобные разговоры.

Изабель поправила упавший на плечо своевольный локон и внимательно посмотрела на подругу:

— Меня смущают вовсе не откровения такого рода, а мысль о том, откуда тебе стали известны столь деликатные подробности. Действительно, откуда ты знаешь о постель-

ных развлечениях лорда Уоллинга? Неужели ты снова подслушивала разговоры своей матушки и ее приятельниц?

Шарлотта, миниатюрная стройная блондинка с голубыми глазами, с улыбкой пожала плечами:

— Увы, ничего не могу с собой поделаться. Ведь сплетницы — бесценный и неистощимый источник информации. Таким образом я пополняю свое образование. — Быстро осмотревшись, Шарлотта подалась к подруге и, прикрыв лицо веером, прошептала: — Знаешь, они даже сказали, что лорд Уоллинг платит какой-то женщине из Чипсайда, чтобы она потрафляла его фантазиям.

Изабель невольно рассмеялась:

— Жаль бедняжку, вынужденную терпеть его внимание, — пусть даже ей за это платят.

— Кстати, о мужчинах... — продолжала Шарлотта. — Пока мы тут болтаем, твой будущий муж ковыляет к тебе.

Да уж, действительно ковыляет... Изабель тотчас помрачнела. Направлявшийся к ним лорд Уоллинг и в самом деле переваливался с ноги на ногу. Это был плотного сложения мужчина с мясистыми отвисшими щеками и с таким же животом, с редующими волосами, аккуратно разделенными косым пробором и причесанными таким образом, чтобы скрыть увеличивавшуюся в размерах блестящую лысину. В свои пятьдесят три года он был ровно на тридцать три старше Изабель.

— Можешь представить его себе наедине с женщиной? — спросила Шарлотта.

Изабель поморщилась, однако промолчала. Подруга сжала ее руку и проговорила:

— Господи, что же ты будешь делать, если не сможешь переубедить отца и заставить его отказаться от этого брака?

«Действительно, что же мне делать?» — подумала Изабель.

Тяжело вздохнув, она прошептала:

— Я не раз пыталась поговорить с отцом. Но он непреклонен и настаивает на своем. Утверждает, что я должна быть надежно устроена. Я даже пыталась убедить лорда Уоллинга

в том, что из меня не получится хорошей жены, но все впустию. Так что получается... Ах, боюсь, что мне самой придется распорядиться своей судьбой.

— О Господи!.. — воскликнула Шарлотта. — Изабель, не делай этого снова!

А лорд Уоллинг подходил все ближе; перехватив взгляд Изабель, он едва заметно кивнул ей. Со своими глазками, похожими на бусинки, этот человек напоминал хорька, которого она однажды видела на провинциальной ярмарке. Наконец, остановившись прямо перед девушками, он отвесил неуклюжий поклон:

— Добрый вечер, дорогая. Как я понимаю, вы наслаждаетесь балом леди Холлоуэй.

— Вечер весьма занимательный, не так ли, лорд Уоллинг? — сказала Шарлотта.

Тот не ответил и взглянул на Изабель.

— Могу ли я пригласить вас на следующий танец, моя дорогая?

— Боюсь, что я сегодня... не готова, — пробормотала Изабель. — Едва ли я смогу быть достойной партнершей.

Он посмотрел на нее с недоверием:

— Но ваш отец говорил мне, что вчера вы посетили выставку в Королевской академии художеств. И якобы вид у вас был цветущий.

— Искусство всегда вдохновляет меня, и я чувствовала себя прекрасно, пока не вернулась домой.

— Вам не следует заниматься подобными глупостями. Настоящая леди, особенно леди вашего возраста, должна интересоваться домашними делами.

Шарлотта поморщилась и что-то пробурчала себе под нос. Изабель же со вздохом проговорила:

— Приношу свои извинения, лорд Уоллинг, но, возможно, какая-нибудь другая леди окажется более сговорчивой. Поверьте, я действительно неважно себя чувствую.

— Может, сказать вашему отцу, что вас следует отвезти домой?

— Не стоит беспокоиться. Моему отцу известно о моем недомогании.

Лорд Уоллинг нахмурился и с явным раздражением проговорил:

— Что ж, как пожелаете!.. О, кажется, я вижу графа... Нам с ним надо кое-что обсудить. Я непременно навещу вас завтра, леди Изабель. Полагаю, мне обеспечена полная поддержка графа, — добавил он с угрозой в голосе.

Отвесив поклон, лорд Уоллинг удалился.

— Боже милосердный... — прошептала Шарлотта. — Он настойчив, как гончая, взявшая след.

Изабель снова вздохнула.

— Мне кажется, он вынужден жениться на мне из-за денег. Всем известно, что поместье Уоллинга не может обеспечить его расточительные привычки. Но мой отец, даже зная это, настаивает на нашем браке.

В свои двадцать лет Изабель и Шарлотта уже в четвертый раз участвовали в «ярмарке невест». Еще один год — и их бы сочли старыми девами, переступившими возраст, когда девицы вступают в брак. Но Изабель в отличие от подруги, искавшей настоящую любовь, хотела лишь одного: избежать брачных уз и, вернувшись в Париж, жить со своей эксцентричной тетушкой и посвятить себя своей единственной любви — акварельной живописи.

— Видимо, мне придется проявить изобретательность и сделать так, чтобы лорд Уоллинг забыл обо мне, — проговорила Изабель в глубокой задумчивости.

Подруга взглянула на нее с беспокойством:

— Изабель, дорогая, умоляю тебя проявить больше скромности, чем в прошлый раз.

Изабель молча отвела глаза; ей не хотелось говорить на эту тему.

И тут она увидела его... В бальный зал вошли два джентльмена — оба высокие, стройные, темноволосые. И оба были прекрасно одеты, на них очень ладно сидели модные двубортные сюртуки. Но если один из них посматривал на окружающих свысока и имел вид человека, сознающего соб-

ственную значимость, то другой, казалось, был окутан покровом таинственности, и именно этот человек и привлек внимание Изабель — она сразу же узнала Маркуса Хоксли, хотя и не видела его много лет. И конечно же, он совершенно не походил на изысканно красивых и женственных молодых людей, какими были в большинстве своем светские денди. Черты его лица, словно высеченные из гранита, поражали сумрачностью и жестокостью, однако казались необычайно чувственными, — возможно, именно это и привлекло в нем Изабель, пусть даже от всего облика этого человека исходило смутное ощущение опасности.

«Пожалуй, его можно назвать красивым», — думала Изабель, разглядывая темноглазого и загорелого Маркуса Хоксли. Его черные, коротко подстриженные волосы поблескивали в пламени свечей, и он был необычайно высоким и мускулистым — даже с другого конца зала Изабель могла разглядеть широкий разворот его плеч, обтянутых сюртуком.

И во всех его движениях сквозила неумная энергия; казалось, ему было тяжело находиться в бальном зале, но он никак не мог немедленно же отсюда уйти, так как его удерживали здесь какие-то скучные обязанности.

— Здесь Маркус Хоксли! — выпалила Изабель. — Я не видела его уже много лет.

Шарлотта, пожав плечами, пробормотала:

— Он действительно впервые за много лет появился на публике. Говорят, в юности он был настоящим светским денди, но потом произошел ужасный скандал... Видишь ли, он изменил свой образ жизни и стал биржевым маклером на Лондонской фондовой бирже. Моя матушка утверждает: «Такое занятие считается в высшем свете хуже чумы». Даже его отец граф Ардмор и старший брат не хотят иметь с ним ничего общего.

При этих словах подруги Изабель поморщилась. Подобное отношение к людям — вполне в духе бомонда. Можно прощать джентльмену недостойное поведение — пьянство, пристрастие к азартным играм и излишний интерес к женщинам, — но тому же человеку никоим образом не проща-

лось, если из бездельника он превращался в успешного коммерсанта.

— Но с кем же это он? — спросила Изабель.

— С лордом Рейвенспиrom, чья прекрасная жена Виктория слишком располнела, потому что ждет ребенка.

— Интересно, почему же Маркус именно сегодня появился в обществе?

— Дело в том, что хозяйка бала, леди Холлоуэй, — его крестная мать, — ответила Шарлотта. — Думаю, он пришел сюда из уважения к ней.

И словно подтверждая эту догадку, леди Холлоуэй с улыбкой приблизилась к Маркусу и лорду Рейвенспиру. Поклонившись, Маркус улыбнулся в ответ, и от этой его улыбки — совершенно мальчишеской — резкие черты этого человека внешне смягчились и лицо стало едва ли не доброжелательным. Точно такое же лицо было у него много лет назад, когда он увидел, как Изабель — ужасно изобретательная девочка! — усердно набивала песком его новые сапоги для верховой езды.

И тут ей пришла в голову блестящая идея. С улыбкой взглянув на подругу, Изабель проговорила:

— Значит, он стал причиной ужасного скандала? Но это же замечательно!..

Шарлотта нахмурилась и тихо спросила:

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду возможность сохранить свободу!

— Дорогая, а как же ты...

Но Изабель уже не слушала подругу — подхватив юбки, она энергично пробиралась сквозь толпу, заполнявшую зал.

В какой-то момент оркестр заиграл громче, а пары на танцевальной площадке закружились и слились в одно яркое пятно. Когда стало ясно, куда Изабель направляется, некоторые пожилые леди устались на нее с явным осуждением. А она, приблизившись к Маркусу и лорду Рейвенспиру, — леди Холлоуэй уже отошла, чтобы приветствовать других гостей, — с улыбкой проговорила:

— Добрый вечер, мистер Хоксли. Мы с вами очень давно не виделись. Вы ведь меня помните?

Маркус Хоксли внимательно посмотрел на нее своими черными бездонными глазами и, улыбнувшись в ответ, кивнул:

— Да, конечно, я помню вас. Леди Изабель Камерон, не так ли? Сколько же лет прошло?.. Десять? Или больше?

«Если точно, то восемь», — промелькнуло у Изабель. Она прекрасно помнила себя тогдашнюю, двенадцатилетнюю. А он был бесшабашным плутом двадцати двух лет, предметом ее девичьих мечтаний. Но сейчас, глядя на него, она видела перед собой совсем другого человека — нынешний Маркус Хоксли совершенно не походил на того молодого искателя удовольствий, каким он был когда-то. И все же он вполне мог бы стать ее спасителем, если бы она правильно разыграла свои карты.

— Это было довольно давно, — ответила наконец Изабель и снова улыбнулась.

— Могу я представить вам лорда Рейвенспира? — спросил Маркус, повернувшись к графу.

И только тут Изабель заметила, что Рейвенспир внимательно смотрит на нее; причем его кобальтово-синие глаза искрились смехом. Что ж, она вполне могла догадаться, о чем сейчас думал граф. Дебютантка, приблизившаяся к холостяку без сопровождения другой леди или своего отца, вела себя в высшей степени смело, — судя по всему, это ужасно забавляло Рейвенспира.

«О Боже!.. — мысленно воскликнула Изабель, внезапно заметив, что на нее смотрел почти весь зал. — Что ж, вот и хорошо, — подумала она тотчас же. — Ведь именно это и требуется, не так ли?»

— Прощу меня извинить, но мне надо поискать друзей, с которыми я хотел бы перемолвиться словечком, — сказал Рейвенспир.

К изумлению Изабель, граф, прежде чем удалиться, лукаво подмигнул ей. Оставшись с Маркусом наедине, она немного смутилась. Но не отступать же от задуманного...

Собравшись с духом, девушка проговорила:

— Мистер Хоксли, — она потянулась к его рукаву, — боюсь, что моя просьба покажется вам дерзкой, но дело в

том, что в этот вечер у меня нет партнера для танцев. А я не в силах вынести разговоры с остальными дебютантками. Не спасете ли меня от подобной участи?

Ей показалось, что эта ее просьба не очень-то понравилась Маркусу Хоксли. Он пристально смотрел на нее, словно пытался прочесть ее мысли. И явно не торопился с ответом.

Изабель же, украдкой осмотревшись, ужасно смутилась. Все по-прежнему смотрели на нее, смотрели с осуждением, и в этом не было ничего удивительного — ведь ее поведение можно было счесть в высшей степени скандальным.

А что, если она совершила ужасную ошибку? Что, если неверно оценила ситуацию?

Изабель уже сделала шаг назад, собираясь удалиться, но тут Маркус, крепко сжав ее запястье, с улыбкой сказал:

— Что ж, леди Изабель, я с удовольствием... Ради прошлого, добрых старых времен. — С этими словами он повел ее на танцевальную площадку, и Изабель поняла: теперь у нее нет выбора.

Через несколько секунд оркестр заиграл вальс, и Маркус заключил ее в объятия. Этот танец как нельзя лучше соответствовал целям Изабель. Вальс считался «запретным» из-за слишком уж близкого контакта танцующих партнеров, и Изабель сейчас остро почувствовала повышенное внимание всех присутствующих. Поначалу, когда они только начали танцевать, она опасалась, что Маркус не знает па этого танца, раз так долго не появлялся в обществе. Но вскоре стало ясно, что ей не следовало беспокоиться, ибо ее партнер двигался с необыкновенным изяществом и легкостью.

Глядя на нее сверху вниз, он спросил:

— Вы сознаете, что сейчас, танцуя со мной, вы привлекаете к себе всеобщее внимание и можете вызвать множество досужих сплетен?

Изабель разыграла невинное недоумение.

— Сплетен?.. Но почему?

Маркус криво усмехнулся:

— Не притворяйтесь, дорогая. Вы прекрасно знаете, что мое имя запятнано.

По ее спине пробежали мурашки. Очень приятные мурашки. «Я на это и рассчитываю!» — хотелось ей заявить.

Изабель все острее чувствовала близость Маркуса Хоксли, и это необычайно ее волновало, — пожалуй, даже возбуждало.

Время от времени она бросала взгляд туда, где стояли ее отец и лорд Уоллинг.

Отец, казалось, очень переживал: он то и дело утирал лоб носовым платком.

Уоллинг же, судя по всему, был в ярости: его мясистое лицо и толстая шея покрылись красными пятнами.

Реакция «жениха» раззадорила Изабель, и она постаралась легонько прижаться к Маркусу.

— То, что ваша репутация запятнана, — это меня не пугает, мистер Хоксли, — сказала она, снова покосившись на Уоллинга. — Я достаточно взрослая, чтобы понимать: общество часто бывает жестоким, часто осуждает кого-либо, но при этом редко проявляет справедливость.

Маркус посмотрел на нее с некоторым удивлением, потом с улыбкой ответил:

— Вы стали не только очень красивой женщиной, но и обрели редкостную остроту ума. И это для меня приятный сюрприз, леди Изабель.

Она не могла бы отрицать того, что эти слова Маркуса весьма польстили ей, и теперь, воодушевившись, Изабель то и дело улыбалась, а ноги ее словно порхали над полом.

Маркус же поглядывал на нее вопросительно, и в какой-то момент Изабель вдруг осознала, что ее влечет к этому сильному и необычайно мужественному человеку, совершенно не походившему ни на одного из ее знакомых. Да, он был настоящим мужчиной. И конечно же, весьма опасным...

Последнее обстоятельство могло бы стать поводом для бегства, могло бы заставить ее забыть о своих планах, — но почему-то, напротив, лишь возбудило Изабель и еще больше ее раззадорило.

Тут взгляды их встретились, и она заметила, что Маркус нахмурился.

«Ах, похоже, он чувствует то же, что и я!» — промелькнуло у Изабель. А в следующее мгновение она с изумлением осознала, что теперь действует так не из-за наблюдавших за ней отца и лорда Уоллинга, а лишь потому, что ее все сильнее влекло к Маркусу Хоксли; во всяком случае, он очень ей нравился — уж этого-то она никак не могла отрицать.

Глава 2

— Это просто возмутительно! — кричал Эдвард Камерон. — В третий раз я нашел для тебя подходящую партию, и как ты меня отблагодарила?! Ты отвергаешь лорда Уоллинга только для того, чтобы потанцевать с Маркусом Хоксли. А ведь он всего лишь обнищавший сын графа, всего лишь биржевой маклер!

Изабель, сидевшая на обитом кожей стуле, молча наблюдала за отцом, расхаживавшим по обюссонскому ковру, укрывавшему пол библиотеки. Эдвард Камерон, четвертый граф Молверн, был невысоким и кряжистым, а его постоянно хмурое лицо, исчерченное морщинами, явно свидетельствовало о том, что он все время был чем-то озабочен. В очередной раз взъерошив свои редкие седые волосы, граф поправил на носу круглые очки с толстыми линзами и проворчал:

— Изабель, о чем ты только думаешь?

Отец вызвал ее в библиотеку сразу после того, как они вернулись с бала в доме леди Холлоуэй. И Изабель сразу поняла: предстоит очень трудный разговор. В прошлый раз отец позвал ее в гостиную, и беседа оказалась краткой, но сейчас... Уж если отец приказал явиться в библиотеку, то это означало только одно: ей предстоит выслушать весьма серьезные обвинения и разговор закончится очень не скоро.

Сделав глубокий вдох, Изабель заявила:

— Прошу прощения, отец, если огорчила тебя, танцую с мистером Хоксли, но меня ничуть не волнует то обстоятельство, что лорд Уоллинг желает расторжения помолвки.

Граф остановился и в изумлении уставился на дочь. В очередной раз поправив на переносице очки, он проговорил:

— А кто тебе сказал, что лорд Уоллинг желает расторжения помолвки? К счастью, мне удалось успокоить Уоллинга и развеять его сомнения относительно твоей скромности.

Изабель решительно покачала головой:

— Нет, я не хочу выходить замуж за лорда Уоллинга!

— Почему же? — Казалось, отец еще больше удивился.

— Потому что он — старая развалина. И потому что его совершенно не интересует искусство. К тому же он... у него... — Она пыталась подобрать слова. — Известно, что у него извращенные вкусы в интимных вопросах! — выпалила Изабель, не зная, к каким еще аргументам прибегнуть, чтобы переубедить отца.

— Что?.. — У графа отвисла челюсть.

Густо покраснев, Изабель добавила:

— Во всяком случае, так о нем говорят.

Отец поморщился и пробормотал:

— Пожалуйста, перестань болтать глупости. И не слушай то, что тебе говорит твоя подруга Шарлотта Беннинг. — Граф снова прошелся по комнате. Немного успокоившись, сел на стул рядом с дочерью и, взяв ее за руку, продолжал: — Пойми, дорогая Изабель, я не вечен. Именно поэтому я должен о тебе позаботиться, устроить твою жизнь. Твоя мать, благодисловый Господь ее душу, хотела бы, чтобы ты вышла замуж за достойного человека.

Сердце девушки сжалось; она почувствовала себя виноватой. Несмотря ни на что, она нежно любила отца. Сжав его руку, Изабель пробормотала:

— Мне бы очень хотелось жить в Париже с тетушкой Лил. Я могла бы там заниматься живописью — как она. После

моего визита к ней два года назад она постоянно приглашает меня пожить у нее.

Эдвард со вздохом покачал головой:

— Сестра твоей матери — весьма эксцентричная особа. Она никогда не была замужем. Вот что случается с женщинами, лишенными покровительства и опеки мужчины. И у таких женщин никогда не будет детей.

— Я с этим не согласна, отец. Уверена, что ты ошибаешься.

Граф снова вздохнул.

— Как бы то ни было, дорогая, через несколько месяцев тебе исполнится двадцать один год. И ты уже дважды нарушила договоренность о браке с достойными людьми. Неужели хочешь отказаться и от этой партии?

— Я ничего не нарушала!

— Но ты сказала лорду Дарби, что не сможешь иметь детей. И внушила властной матери лорда Шелтона, что в твоей семье — наследственное безумие, а в качестве примера привела тетюшку Лил. В результате оба жениха в ужасе бежали от тебя.

— Отец, я могу поручиться, что лорду Дарби требовалась всего лишь племенная кобыла, чтобы производить на свет наследников. А Шелтон жаждал заполучить поместье в графстве Херефордшир, которое ты ему обещал. Неужели ты не понимаешь, отец, что мне не нужны такие мужья?

— Но твои желания, дорогая, — это просто неслыханно! Забудь о тете Лил. Ты к ней не вернешься. Я не могу позволить тебе поехать к ней в Париж. С моей стороны это было бы непросчительной ошибкой. Что же касается лорда Уоллинга, то я дал согласие на то, чтобы он навестил нас завтра пополудни. И ты постарайся вести себя как настоящая леди. А за этим последует обручение. — Поднявшись со стула, граф добавил: — Не забывай, Изабель, что ты — старший ребенок в семье. Подумай о двойняшках. Ты должна быть для них примером.

Изабель и так частенько думала о своих младших брате и сестре, о двойняшках Энтони и Эмбер. Однако она пола-

гала, что может только одним способом подавать им хороший пример — страстно стремиться к своей цели.

Отец улыбнулся в ответ на ее молчание:

— Ты славная девочка, Изабель. Надеюсь, ты забудешь о своих глупых фантазиях. Я позволил тебе писать акварелью только в качестве развлечения. Но теперь пора выкинуть искусство из головы и подумать о своем будущем, подумать о том, как стать примерной женой.

Изабель молча кивнула и опустила голову; ей казалось, что именно так должно выглядеть примерное поведение. Краем глаза она заметила, что отец поворачивается и уходит. Как только дверь библиотеки захлопнулась за ним, она вскочила на ноги и бросилась к письменному столу. Выдвинув ящик, девушка принялась рыться в отцовских бумагах. Она знала: если Уоллинг приедет завтра, то нельзя терять время.

Направляясь к парадной двери особняка Уэстли, Маркус Хоксли перепрыгивал через ступеньки — он ужасно не любил проигрывать, а на кону стоял Гейнсборо.

В это утро Лондонская фондовая биржа была весьма оживленным местом. Когда же Маркус узнал о грядущих торгах и о продаже картины Томаса Гейнсборо «Морское побережье с рыбаками», он срочно покинул свой кабинет, а его секретарю пришлось отменить несколько важных встреч.

Взбежав по ступенькам особняка, Маркус уже поднял руку, чтобы постучать, но тут дверь распахнулась, и перед ним появился дворецкий сурового вида. А внутри уже толпились люди, и это означало, что он опоздал.

На щеке его задергался мускул; он не был готов к проигрышу.

Как только Маркус ступил в роскошный холл с мраморным полом, сверкающими хрустальными канделябрами под потолком и прекрасными картинами, висевшими на стенах, к нему приблизился высокий и тоненький, как тростинка, человек. Его длинные ноги были обтянуты полосатыми брюками, и оттого казалось, что он передвигается на ходулях.